

В. П. Раков

Ивановский государственный университет

ЭСТЕТИЗМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЖИЗНЕУСТРОЕНИЯ

(земство и культура)

1. «Земство» – одно из ключевых слов русской культуры, в том числе и ее политического спектра, о чем, вероятно, следует сказать в первую очередь, поскольку термин, сужаясь или расширяясь в своем содержании, был тесно сплетен с прихотливой логикой истории России. *Земщина* была и формой власти, и символом известного отношения к ней, далеко не всегда ровного, мирного и нестроптивного. Самоуправление – основная идея этой своеобразной матрицы в политической системе страны. Земская изба – выборный орган в городах, среди лично свободных и дворцовых крестьян эпохи Ивана IV. Тогда же в Москве можно было видеть людей опричных и тех, кто не вошел в этот зловещий разряд. Вне его пребывали и бояре. Государь повелел им «быть в земских», о чем пишет С. М. Соловьев в своей знаменитой «Истории...»

Как известно, начиная с конца XVI и в течение XVII веков, земство было вынуждено сосуществовать с воеводским управлением и терпеть зависимость от него. Бытие не сладкое, вызывающее на память эпоху «кромешников», впечатляюще описанную В. О. Ключевским. Народ выражался так: «Ты мне опричина, да лихь я тебе не земщина!» (т. е. не поддамся) (*Даль В.* Толк. словарь живого великорусск. яз. М., 1955. Т.1. С. 679).

2. Можно сказать, что как некий проект земство выстрадано Россией и не было утрачено в трудные времена. Оно знает свою бытность то в виде органа городского самоуправления (с1699), а то и вовсе под чуждыми ему названиями магистратов и ратуш, возникших в 1721-1724гг. Подлинное свое лицо обретено им в результате реформы 1864 года («Положение о губернских и уездных земских учреждениях»). Была создана грандиозная, хорошо структурированная

система выборных органов местного самоуправления – земские собрания и управы с юридически оговоренными сроками избрания. В ведении земств находились вопросы денежного содержания административных органов, больниц, школ, строительство дорог и мн. др. Теперь стали активно функционировать *земская медицина* с ее легендарными участковыми врачами, *земская образовательная система* с многотысячным корпусом учителей; наконец, *земская почта* с собственными марками. В настоящее время ощущается острая необходимость в монографических исследованиях таких институтов, как исторически важные Земские соборы, земские собрания, земские съезды. Мы мало знаем о земском суде. Проблемы, связанные с Земским союзом и Земским движением, до сих пор не освобождены от грубо идеологизированных оценок и нуждаются в фактологическом обогащении, что позволило бы изменить концептуальные парадигмы и подходы к тематизируемому материалу. Наличие *земской статистики* укрепляет уверенность в успехе подобных штудий. Что может быть убедительнее, например, такого факта: незадолго до переворота 1917 года специалистами этого ведомства была собрана высококачественная по своей достоверности и научной обработке информация о 4,5 миллионах крестьянских дворов.

3. Вышеприведенные сведения привлекаются нами не с целью ошеломить читателя, а для того, чтобы показать длительный процесс вызревания экономических, политических и юридических форм, охватывающих государственное тело России. Скажем больше: то, что ныне именуется гражданским обществом, зародилось вот на этой почве – почве земщины. Вероятно, иначе и быть не могло: ведь Россия – страна так называемой традиционной культуры, вскормленной *земщиной* – в широком смысле этого слова. Однако есть и творческие токи, идущие в обратном направлении: от высших форм духа – в практическую сферу. « <...> красочную мифологическую топику, – пишет современный исследователь, – можно обнаружить и в рамках земской идеологии» (*Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 643*).

Говоря иначе, налицо признаки органичности и целостности культуры, взятой в ее объемном значении.

4. В научной, особенно историософской и культурологической, литературе распространено убеждение, весьма далекое от истинной реальности. Как в ничего не стоящей публицистике, так и в трудах, претендующих на академическую «солидность», до сих пор живуч миф о не-юридичности русской культуры; утверждается, будто бы национальному сознанию не свойственна положительная рефлексия над правовыми аспектами социального бытия, при этом *норма* не воспринимается как ценность. Субъект общества якобы отдает предпочтение «суду по совести» или вольно трактуемой справедливости. О заблуждениях подобного рода нам доводилось писать достаточно определенно и много (см., в частности: *Раков В. П.* К. П. Победоносцев в контексте политического модерна // Интеллигенция и мир. Российск. междисциплинарн. журнал социально-гуманитарн. наук. 2004. № 1/2. С. 81-82). Здесь же скажем, что вместо пристального диахронического рассмотрения связанных и коммуникативно-диалогических, «сообщающихся» друг с другом сфер культуры преподносится нигилистическая схема их уплощенных отношений. Мы же полагаем, что, благодаря тотальному охвату социального пространства структурирующими принципами земства, Россия достигла высокого уровня стабильности. В итоге русским царям удалось осуществить тот синтез, который, как писал автор известной статьи «О старом и новом», выразился «в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства <...>» (*Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 470). Надо ли говорить о том, что этот синтез включает в свою составность, наряду с предметно-устроительными факторами, еще и духовную атмосферу, в которой пребывает нация. На уровне высокого обобщения необходимо говорить не о чем ином, как об исторически развившейся монархии, понимаемой в качестве «единой социокультурной формы, глубоко и органически укорененной на <...> русской почве, адекватной особенностям мента-

литета русской культуры и своеобразию социокультурной динамики России» (Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 169).

5. Теперь обратим внимание на сказанное Хомяковым. Мыслитель не нашел ничего лучшего, как, размышляя о Родине, сосредоточиться на таких характеристиках упомянутого синтеза, как его «просвещенность» и «стройные размеры», а также «оригинальная красота общества». Речь идет о разумно вычисленном и пропорционально сочлененном *целом*, созданном по законам прекрасного. Так мы подошли к столь же важной, сколь и сложной, проблеме, находящейся, к сожалению, в состоянии исследовательской заброшенности. Мы говорим о такой, еще не сформировавшейся, отрасли знания, как эстетика истории (специально и подробно об этом см.: Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974). В нашем случае требуется назвать ряд ключевых слов, с которыми соотносится эта проблематика. Прежде всего мы имеем в виду такие, издавна привычные, термины, как славянофильство, почвенничество, тело, вещь, скульптурный человек и т. п. Стоящее за ними содержание вскрывает и презентует «органический» пласт культуры во всем его универсализме и своеобразии. В свое время мы отдали дань этой теме (см.: Раков В. П. Новая «органическая» поэтика. Иваново, 2002), правда, сознательно очертив ее границы исключительно вопросами теории литературы. Ныне пришло время для их расширения. В данном сообщении затрагивается проблема сквозного эстетизма политического устройства России, утвердившегося трудами нации за века ее государственного бытия.

6. К настоящему времени идеология славянофильства, в общем, изучена, однако автору этих строк неизвестны работы, где бы системно реализовались методологические стратегии, увязывающие политическое устройство государства с эстетикой (справедливости ради, укажем на плодотворные суждения, изложенные в статье: Зябликов А. В. «Идеальное» государство в консервативно-либеральной транскрипции В. В. Розанова // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2. С. 104-105).

При нашем понимании жизненной значимости земщины бросается в глаза ее огромная роль в деле организации и повседневных форм существования людей, и в окультуривании этих форм, а также в формировании психологии человека, находящегося в гуще социального космоса. Тот, кто, хотя бы в общих чертах, знает русскую живопись, заметит, что ее образность максимально приближена к реальной действительности, а принадлежность произведений к типологически различным художественным направлениям не колеблет этой их характерной черты. Поэтому вплоть до нашего времени остаются популярными так называемые «обманки». Феномен этот интересен тем, во-первых, что генетически связывает русское искусство с жанрами европейского и, во-вторых, по причине более важной: в «обманке» мы видим эффект полной идентичности мира как *первозданности* и – ее изображающей образности. Когда мы говорим о первозданности мира, это значит, что мыслим его в эстетической предопределенности. Вот такого рода художественности у нас, русских, в искусстве очень много. На Западе обсуждаемый жанр почти забыт, в России же до сих пор здравствуют мастера, успешно работающие в этой манере (см.: *Назаренко Т. «Искусство обманки правдиво» // Литер. газета. 2003. № 20*). Однако принцип эстетической предопределенности сохранился не только в искусстве, но и в жизни.

Выше мы писали о красочной топике, отличающей земскую идеологию. Теперь же можно сказать о том, что элемент эстетизма проявляется и в политической деятельности, что усматривается нами «в выдвигаемой земцами-конституционалистами, начиная уже с 60-х годов XIX столетия, идее всероссийского парламента как некоего «надземного (над-земского) органа, призванного "увенчать здание" всероссийского земства» (*Домников С. Д. Указ. соч. С.643*). Если земцы думали именно так (а исследователь знает, что говорит), то совершенно очевиден эстетический алгоритм их суждений: ведь политическая идея уподоблена ими высшей ценности и архитектурной форме с функцией

«увенчания» ранее выстроенной конструкции, этом символе конституционных законов.

В контексте сказанного небезынтересны статьи В. В. Розанова, чье мировоззрение близко «органицизму» почвенников и, естественно, включает в себя эстетическую составляющую. Мыслитель посвятил работе Государственной Думы серию очерков и заметок. Его суждения на этот счет достойны внимательного анализа. Вот одно из них: «Раз Государственная Дума и конституционные основы вошли в план имперской организации, государство само заинтересовано в том, чтобы местные земства стали опорными столбами обновленного <...> строя, местными пособниками правительства и <...> Думы и вместе с тем главным слоем народной почвы, питающим эту единую большую реку» (Розанов В. В. Русская государственность и общество. Статьи 1906-1907 г.г. М., 2003. С. 20). В дискурсе земцев фигурировала домостроительная образность. У Розанова она находит свое продолжение, когда он говорит об «опорных столбах обновленного <...> строя». «Слой народной почвы», «единая большая река» – образы, напоминающие эйдологию фольклора с его заранее принятым эстетизмом. «Я люблю все красивое, сильное и определенное» (с.329), – признавался писатель. И это во многом сказывалось на его политической рефлексии. В цитируемом сборнике в изобилии представлены выразительные примеры художественности, свойственной мышлению Розанова. Так, он проявляет солидарность с некоторыми депутатами Думы в их отношении к речи, произнесенной П. А. Столыпиным. Аргументом в пользу своей позиции автор статьи называет ...«эстетическое воззрение» (с. 330), как оно проявляется у него в общей реакции на мир. Присутствуя в стенах государственного органа, видя и слушая ораторов разного стиля как речей, так и жизненного поведения, он то и дело прибегает к таким «излишества» в дискурсе, какими, например, выглядят фразы, вроде: «Я восхищался; как эстет, я восхищался» (с. 33); «Это было красиво, как в «Апокалипсисе» (с. 332); « <...> и здесь была самая красивая его минута» (там же) и мн. под.

Какие бы изменения ни претерпевали политические взгляды «консерваторов», начиная от ранних славянофилов и кончая их поздней генерацией, эстетизм как принцип оставался неустрашимым ферментом их мышления. Почти четверть века назад Ю. З. Янковский высказал мысль о необходимости изучения этого творческого наследия в его эстетическом срезе (см.: *Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981. С. 98-99*), однако соответствующие штудии (выше мы отмечали это) и доныне не развернуты в сколько-нибудь систематической форме.

7. Завершая сообщение, подведем краткие его итоги. Представляется несомненным то обстоятельство, что (1) земщина и ее исторически эволюционировавшие формы были основой, на которой базировались высшие социально-политические институты российской государственности и ее законы. Этим самоочевидным тезисом (2) посрамляются сторонники популярной идеи о якобы не-юридичности русской культуры, ее правовом нигилизме. Бесспорно, человек как метафизическая проблема не исчерпывается когнитивными средствами юриспруденции. Русская культура сказала об этом как нельзя более ясно. Мысль об асимметричности разных форм сознания и для гуманитариев Европы не была новостью, однако никому не пришло в голову отлучать их от правовых норм социального поведения.

Россия – (3) страна традиционной культуры, взятой во всем ее жизненном и духовном могуществе, а (4) ее домостроительным символом является (5) изба, с образом которой исторически соотносится земство и его идея. Крестьянский поэт Н. Клюев сказал об этом так:

Из избы вытекают межи,

Русские тракты, Ломоносовы, Ермаки...

(*Клюев Н. Соч. А. Neimanis. Buchvertrieb und Verlag, 1969. Т.2. С. 185*).

На благодатной почве земства возникло народное чувство душевного комфорта и ощущение его высокой экзистенциальной ценности, что не могло не привести (6) к восприятию мира в его тотальном эстетизме и что так впечат-

ляюще выражено в русском фольклоре, художественном и философском творчестве. Пожалуй, это было высшим даром, преподнесенным государственности со стороны культуры. Политическое устройство России оказалось сопряженным не только с истиной законов, но и с принципами красоты.

Согласуются ли эти качества с иными, более поздними – советскими – формами управления? Насколько эффективны и (актуальный вопрос!) юридичны они? Сколь велик был их жизнеустроительный эффект? Не мешало бы продумать и вопрос о степени нравственного комфорта, в атмосфере которого пришлось жить нам, на своих плечах вынесшим тяготы социализма, ушедшего в бездну небытия. Вопрос же об эстетике прошлого, именуемого историей, вызывает к исследовательскому вниманию. Ожидающая нас муниципальная форма жизни имеет преимущество – опыт ей предшествующих форм. Сумеет ли она плодотворно использовать этот опыт?..

В систему ключевых слов, фигурирующих в представленном тексте, нами не включено одно из наиболее важных – «община». Мы говорим о крестьянской общине, этой физической и духовной опоре земства. Движение исследовательской мысли в обход данного концепта объективно никак не оправдывается. Субъективным же аргументом в пользу авторского решения является едва ли не устрашающая сложность проблемы, современный научный контекст которой не столько содержательно богат, сколько противоречив и беден концептуальными идеями. Входить в их обсуждение мы не будем, скажем лишь, что община – коллектив, не всегда познаваемый традиционными методами. В последующих работах мы разовьем эту мысль, связав ее с органичностью национальной культуры, ее мифологией и топикой..

Именной указатель

Гулыга А. В. – 4,

Домников С. Д. – 2, 5,

Зябликов А. В. – 4,

Клюев Н. – 7,
Ключевский В. О. – 1,
Кондаков И. В. – 4,
Назаренко Т. – 5,
Раков В. П. – 3, 4,
Розанов В. В. – 4, 6,
Соловьев С. М. – 1,
Столпыпин П. А. – 6,
Хомяков А. С. – 3,
Янковский Ю. З. – 7,